

Седьмого февраля 2007 года Красноярский завод цветных металлов имени В. Н. Гулидова прощался с Павлом Ивановичем Рожковым. В заводской Дворец культуры проводить бывшего директора в последний путь пришли ветераны труда, те, кто помнил его по работе; пришли и те, кто уже не застал Павла Ивановича на директорском посту, но встречался с ним на научных конференциях, спортивных площадках, на всевозможных праздниках и мероприятиях, в заводских цехах, куда он нередко заходил уже пенсионером... Неподдельное горе, боль утраты звучали в словах прощания... «Человек-легенда... человек-эпоха... настоящий хозяин... безвременно ушёл!..» Казалось, речь идёт о работнике в самом расцвете сил! А ведь прощались с человеком, которому дано было прожить, по всем человеческим меркам, удивительно долгую жизнь. Таким сроком на Земле во все времена отмечались немногие.

Из девяноста шести лет, отпущенных Рожкову судьбой, он был директором завода почти двадцать. До своего назначения в 1955-м работал здесь на руководящих должностях—лет девять. Получается тридцатилетие активной и плодотворной деятельности, так сказать, у всей страны на виду. Треть жизни... В семьдесят четвёртом директорский пост он вынужден был оставить и... продолжал работать на заводе инженером-технологом цеха номер семь. Покинуть родное предприятие было для него невыносимо. А совершать нетривиальные поступки—уже давно вошло в привычку! Так что можно сказать, что П. И. Рожков трудился на «Красцветмете» до конца своих дней. До последнего дыхания. Личная история, незримая лестница, по которой каждый поднимается к вершинам судьбы или опускается в её провалы, личные радости и беды, вдохновения и разочарования, труды и дни— всё это было для него неразрывно связано с родным заводом, а значит, с разворачивающейся на его глазах и при его непосредственном участии историей двадцатого века.

Позволю себе простейшее обобщение. Я убеждена, что П. И. Рожков—представитель той породы людей (к несчастью, стремительно исчезающей), которые, как когда-то Маяковский, могли совершенно искренне сказать о себе:

Я счастлив, что я—этой силы частица,
Что общие даже слёзы из глаз...

Сильнее и чище нельзя причаститься

К великому чувству по имени «класс»...

Трибун революции писал, конечно, о рабочем классе, о пролетариате. А для Рожкова «силой», частицей которой он, крестьянский мальчишка, наделённый неутолимой жаждой знаний, ощущал себя с детства... этим чувством, этим «классом» была духовная общность, которую принято называть русской интеллигенцией. Эта общность не укладывается в границы поколений, профессий и социальных групп. Она зиждется на другом. Стержневая черта этих людей, начиная, может быть, ещё с «архангельского мужика» Михайлы Ломоносова, есть глубокая убеждённость в собственной причастности ко всему и в своей прямой ответственности за всё, что происходит в виду «твоего горизонта». А горизонт, как известно, по мере пути—бесконечно удаляется. Эту воображаемую линию нельзя ни приблизить, ни перешагнуть. Парадокс—и тем не менее факт!—заключается в том, что тот, кто к ней, вроде бы и тщетоно, стремится, постоянно открывает новые пространства—во всём размахе и многообразии их трудовой, светской, политической, научной жизни,—осваивает и передаёт идущим вслед. В результате мир вокруг—заметно меняется. Шаг, другой—а там, глядишь, иной горизонт манит своей недостижимостью. Новыми звуками, красками, светом и тенью, ветром и дождём—всем изобилием ощущений, которые даёт человеку максимальная жизненная активность. Значит, снова—в путь. Не за страх (тем более—не за деньги!), а за совесть.

Что же касается совести, то она в сознании русских интеллигентов во все времена составляла тончайший сплав с любовью к делу, с благородным азартом труженика, в руках которого, как и в руках великого Творца, любое создание обретает душу. Будь то несколько миллиграммов никем до сих пор .....

1. *Марина Саввиных.* Горизонты Рожкова. Документальная повесть о судьбе металлурга.—Красноярск: «Платина», 2008.

не полученного вещества, колосок нового сорта пшеницы, научная теория или большой завод, ставший семьёй для тысяч людей, отдающих ему разум и силы. Так жил Рожков. Так жили его учителя и ближайшие сотрудники. И, перелистывая страницы воспоминаний, перебирая документы и фотографии, чувствуешь, как трудно, рассказывая о судьбе хотя бы одного из них, удержаться от волнения. Приподнятость над бытом, целеустремлённость и страстная любознательность, энциклопедический кругозор, высокая образованность, готовность к преодолению препятствий, к самопожертвованию — таков был общий нравственный фон деятельности немногочисленного слоя высшей технической и научной интеллигенции сороковых-шестидесятых, когда судьба Рожкова достигла апогея. Не рискуя впасть в преувеличение, я готова утверждать, что некоторые факты духовной высоты (как, впрочем, и морального падения) многих его современников нынешнему исследователю могут показаться невероятнее самой смелой фантастики. Подавляющее большинство из них либо подверглись репрессиям, либо жили под постоянной угрозой репрессий. Каждый знал, что в любую минуту может попасть под то же самое колесо, которое раздавило коллегу, соседа, родственника. Ничто не могло служить страховкой от механизма, который казался (да, собственно, и был) абсолютно беспощадным, безликим и лишённым всякой логики. Узниками ГУЛАГа становились генералы, академики, орденосцы. А кое-кому приходилось выбирать, по какую сторону «колючки» отбывать опалу. И всё же лишь единицы из них безвозвратно ломались, теряли веру в собственное предназначение. «Сталь», о которой писал в своё время Николай Островский, «закалялась» и так: в лагерях, в «шарагах», в лабораториях и цехах предприятий НКВД, как, впрочем, и в... директорских кабинетах. Эти люди могли совершать, как сейчас говорят, «непопулярные» поступки, принимать жёсткие решения. Но они переносили выпадавшие на их долю беды, как правило, с достоинством и терпением и делу, которое считали своим долгом, не изменяли. Хотя... уже на моей памяти в общественном сознании не раз менялись оценки того, что было ими сделано. И с каждым годом остаётся всё меньше живых свидетелей каждой из этих судеб. Поэтому так непросто рассказывать о Рожкове сегодня. Тем ценнее для меня была возможность обратиться к опыту людей, которые по крупицам собирали материалы по истории завода и сумели воплотить их в прекрасном издании, доступном восприятию даже далёких от металлургии «простых смертных». Я имею в виду книгу «И встал завод над Енисеем» (Красноярск, 1998). В её создание Павел Иванович внёс немалый вклад, и она оказалась незаменимым подспорьем в моей работе.

Мой рассказ о Рожкове мыслился прежде всего как документальное повествование, я старалась не «обезличить» его, не превратить в перечень трудовых подвигов, научных достижений и наград человека, которому она посвящена. Мне хотелось написать не просто об отдельной личности, даже такой крупной и привлекательной, как П. И. Рожков, а о явлении времени. И таким образом выразить горячую признательность своего поколения, начинавшего взрослую жизнь в семидесятые-восьмидесятые, нашим дедам и отцам, тем, кто среди страшных потрясений, которые переживала страна, сумел вывести её науку и промышленность на мировой уровень и удерживал этот уровень поистине титаническим трудом. Но даже не эта благодарность по-настоящему будоражит моё сердце, когда я пишу эти строки. Книгу о Рожкове я хотела бы видеть в руках подростков, юноши или девушки, «обдумывающих житьё». Молодёжь сейчас живёт в стремительно меняющемся мире, охваченном азартом потребления. Существуют ли в этом мире нерушимые блага, не сводимые к набору престижных вещей и элитной недвижимости? Существуют ли драгоценности помимо тех, что хранятся в слитках, разлетаются по свету купюрами и цифрами банковских счетов или сверкают в роскошных ювелирных изделиях? Существуют ли вообще добро и смысл жизни в том понимании, каким наделяли их подобные Рожкову люди? И моё-то сердце живо отвечает: да! Весь мой опыт — конечно, не столь богатый и насыщенный, как у них, но всё-таки уже вполне приличный, — подтверждает это! И всё же моё уверенное «да» вряд ли убедит ребят, на которых с утра до вечера лавиной катится теле- и радиобред, начинённый гипнотизирующими заклинаниями вроде «оторвись по полной!», «оттянись!», «не дай себе засохнуть!», «хватай, а то убежит!» и так далее... Убеждает — документ, факт. Поэтому книга о Рожкове — это галерея документов, их многоголосая перекличка в анфиладе времён. Задача писателя, работающего с историческим материалом, — привлечь внимание людей к документу и факту своей собственной заинтересованностью. Поэтому я сохраняю за собой право авторского присутствия в книге — вместе со своим временем, бросающим сегодняшние ответы на пожелтевшие страницы прошлого.

К тому же... Загаив дыхание, я призываю в собеседники и соавторы самого Павла Ивановича, хочу, чтобы в этой книге звучал его негромкий голос, голос «златоуста», прирождённого рассказчика. Этот голос и сейчас живёт в его рукописях, на сотнях страниц писем, газетных вырезок, отзывов, распоряжений, благодарностей и поздравлений. Возможность поработать с личным архивом Рожкова стала для меня огромной удачей! Более того, я испытала в этой работе подлинное читательское

наслаждение! Наблюдения Павла Ивановича над жизнью и бытом сибирской деревни, впечатления путешественника и охотника, воспоминания военных лет, на мой взгляд, сами по себе имеют немалую историческую и этнографическую ценность. При другом «расположении звёзд» Рожков мог бы стать, как сейчас говорят, крепким писателем. А нет — так историком. А может быть, замечательным врачом. Всю жизнь в нём развивались и давали о себе знать многочисленные природные задатки. Но призвание, которое стало для него судьбой, — быть руководителем завода цветных металлов, «отцом цветной металлургии Красноярска», как его называют журналисты. Этому призванию он и отдался сполна. Завод стал его детищем, пожизненной любовью, источником энергии и постоянной заботы.

За время работы над повестью я искренне привязалась к её герою. И мне хочется, уважаемый читатель, чтобы, прочитав книгу, и ты полюбил его. Может быть, рассказ об этой жизни в какой-то момент даст и тебе необходимый стимул к действию. А может быть, удержит от неверного шага. Так мы в своё время читали биографии Вернадского и Королёва, а позднее — «Белые одежды» Дудинцева, гранинского «Зубра»... Как писатель я, конечно, не претендую на лавры маститых предшественников, но мой герой — в высшей степени этого достоин. Признаюсь, я очень рассчитывала на его «метафизическую» помощь, предпринимая труд, поначалу казавшийся неподъёмным... Его портрет и сейчас — на моём рабочем столе. Павел Иванович смотрит на меня и одобрительно улыбается. Иногда я даже слышу его голос... дескать, ничего-ничего, пробьёмся! И, может быть, не насовсем, на некоторое время, но отступает острая тревога и злорадия. Если такие люди, как Рожков, действительно жили, жили долго и добились успеха, то неужели мы, нынешние, уроним планку?!

Я верю, что возможность и после физического ухода воздействовать на сердца и умы людей — лучший памятник П. И. Рожкову, инженеру, учёному, организатору и мыслителю. Надеюсь, что мой скромный вклад послужит осуществлению этой возможности.

I.

Москва тридцатых... Почти не осталось живых свидетелей её бурного многообразного существования, бывшего ключом во время феерических торжеств на Красной площади и замиравшего по ночам в тёмных углах коммуналок при звуке каждого приближающегося мотора. Образ столицы тех лет у людей старшего поколения сформирован фильмами Григория Александрова «Весна», «Цирк», «Волга-Волга»... А тем, кто помоложе, Москва тридцатых представляется чем-то средним

между страшными фантазиями Михаила Булгакова и юмористическими картинками Ильфа и Петрова.

Марширующие под разноцветными полотнищами дородные комсомолки. Героини Любви Орловой со слезами счастья на прекрасных глазах. Джаз Леонида Утёсова. Подземные дворцы Московского метро, открывшегося в 1935-м. Помпезные фонтаны и павильоны вднх. Симфонические концерты в Колонном зале Дома Союзов. Атмосфера всеобщего энтузиазма и осуществляющихся надежд.

...Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ...

...Кипучая, могучая,
Никем не побеждаемая,
Страна моя, Москва моя,
Ты самая любимая!

...Страна встаёт со славою
На встречу дня!

...Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!

Такой она была, Москва тридцатых? Или к истине ближе другие её черты?

Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища...
(Осип Мандельштам, ноябрь 1933)

Удушливый зной на Патриарших прудах. Трамвайный турникет, где Аннушка уже разлила подсолнечное масло. Бесследные исчезновения людей. Гул разоблачительных процессов. Ореол мрачной безысходности вокруг пресловутого серого здания на Лубянке. Орудующее на вокзалах и в транспорте ворьё. «Квартирный вопрос», испортивший москвичей, которые и в прежние-то времена не слишком жаловали приезжих. А в середине тридцатых в Москву стремились отовсюду! И, как двуликий Янус, она к каждому поворачивалась то светлой, ликующей, то более чем негостеприимной, страшной и жестокой стороной.

Чего ждал от столицы приехавший покорить её двадцатитрёхлетний сибиряк Павел Рожков? Вершина, которую он был намерен взять, — Московский государственный университет. Однако Павел уже прекрасно понимал, что вот так, с разбегу, эту ступень ему не одолеть. Москва — не Канск. И даже

не Томск. Нужно было приглядеться к ней, хотя бы мало-мальски освоиться. Павлу удаётся найти работу на станции Удельная Московско-Казанской железной дороги. Он устраивается лаборантом во Всесоюзный НИИ кролиководства. Ухаживает за кроликами и готовится к вступительным экзаменам. МГУ по-прежнему его влечёт, но каким-то чудесным образом (а чудеса нашей жизни всегда имеют достаточно простое житейское выражение) Павел узнаёт о другом высшем учебном заведении — Московском институте цветных металлов и золота, который тогда был только что (с 1930 года!) открыт на основе факультета, отделившегося от Горной академии. В туманах будущего задрожала-вспыхнула перед Рожковым путеводная звезда Металлургии.

Теперь я позволю себе некоторое отступление... Чтобы лучше понять, как складывалась и чем была наполнена деятельность Павла Ивановича Рожкова на протяжении всей дальнейшей жизни, совершим краткий экскурс в историю науки о цветной металлургии и производстве редких и благородных металлов в России.

Первого инженера в истории человечества, если, конечно, не считать ветхозаветного Яхве, который, впрочем, всё же был скорее Художник, нежели Инженер, надобно, по всей вероятности, видеть в божественном мастере, божь-кузнеце Гефесте. Мало того, что он был первый инженер, он был — первый Металлург. Кузни Гефеста греки искали именно там, где из-под земли время от времени извергались дым и пламя. Гефест был богом подземного огня. А значит, мог обрабатывать металлы. Прежде всего, конечно, медь. В отличие от железа, которое в древности попадало в руки человека, только если буквально «падало с неба» — в составе метеоритов, медь встречается на Земле в самородном состоянии, в виде кусков металла. Первыми людьми, которые научились — по воле Гефеста — плавить медь, считаются жители острова Кипр. Легенда гласит, что именно благодаря киприотам медь получила своё латинское название «Cyprium». А когда примерно в двенадцатом-одиннадцатом веке до нашей эры греки ввели в обиход разнообразные предметы из медного сплава — бронзы, то это не только дало название целой исторической эпохе, но и послужило толчком к развитию одной из самых древних и в то же время чрезвычайно важных для экономики отраслей — обработке цветных металлов.

Гомеровский Гефест поражает участью несправедливо униженного Творца. Он — именно интеллигент, мудрец, изобретатель. Бог-мастер, бесконечно внимательный к тайнам Земли и умеющий извлекать из них максимальную пользу для богов и людей. Прометей украл у Главного Бога небесный огонь и дал человечеству разум: членораздельную

речь, устную и письменную, и прочие «гуманитарные» способности. А Гефест пользовался огнём подземным, который он сумел приручить и заставил служить техническому прогрессу. Тем не менее боги не слишком жалуют его. И некрасив-то он, и хром на обе ноги, и работает не покладая рук, несмотря на высокий божественный ранг! Бог-чернорабочий! И хотя золото и серебро — привычный для него материал, но когда речь заходит о драгоценных металлах, сразу вспоминается другой олимпиец — покровитель алхимии Гермес, защитник торговцев и путешественников, пращур всех обманщиков и воров, знаток политики и основатель самых первых «масс-медиа»: ведь именно он, Гермес, служил посредником между небожителями и доводил до сведения смертных божественные распоряжения! Для Гефеста золото — красивый и удобный в работе металл, для Гермеса — валюта, универсальный товар, открывающий дорогу к вершинам власти. В тайных лабораториях, субсидируемых европейскими монархами, а иногда даже главами церквей, используя магию и всевозможные чары, алхимики искали «философский камень», чтобы с его помощью превращать в золото не столь редкие в природе вещества. И, несмотря на то, что чудесное средство не было найдено, алхимики — попутно — сделали массу важных открытий, в том числе и таких, которые послужили развитию цветной металлургии. Таким образом, в этой сфере производства соединились интересы обоих олимпийцев — кузнеца Гефеста и химика Гермеса. Профессии, представители которой добывают и обрабатывают драгоценные металлы, присущи черты и того, и другого. Огонь и всевозможные химические реактивы. Недра Земли и тончайший лабораторный анализ. Наука и политика. Творческий труд и рычаги власти, прочность которых напрямую зависит от производимого здесь продукта.

Руководители молодого рабоче-крестьянского государства прекрасно понимали эту зависимость. Уже в 1918 году был подписан декрет Совета народных комиссаров РСФСР об учреждении Московской горной академии (МГА). Это событие достойно упоминания ещё и потому, что МГА стала первым высшим учебным заведением, созданным в России после Октябрьской революции. Здесь, в МГА, закладывались основы будущих научных школ, академических, производственных и даже «поведенческих» традиций, которые предопределили умонастроение и стиль жизни целого поколения советской технической интеллигенции. Академию создавали известные русские учёные, среди которых — «отец советской нефтяной промышленности» Иван Михайлович Губкин и Владимир Афанасьевич Обручев, выдающийся геолог и к тому же знаменитый писатель-фантаст, автор «бестселлеров» «Плутония» и «Земля Санникова»,

которыми ещё недавно зачитывалась молодёжь. Сохранились фрагменты актовой лекции, прочитанной Обручевым на собрании студентов и преподавателей в день открытия МГА. На мой взгляд, сказанное им тогда не утратило значения и по сей день.

«Назначение МГА — подготавливать деятелей по горному промыслу, которые должны изучать, развивать, добывать и обрабатывать различные полезные ископаемые. Каждого из этих будущих горных работников, естественно, должны интересовать вопросы: каковы же эти ископаемые богатства, много ли их, как они распределены на территории государства и как пользовалась Россия ими до сих пор?.. Может быть, земля русская совсем оскудела и наши ископаемые богатства исчерпаны?..» На геологической карте Владимир Афанасьевич показал главные районы добычи минерального сырья и также те, где это сырьё можно найти, «если приложить к этому знания и умения». И подытожил: по величине запасов ископаемых богатств «мы могли бы стоять на первом месте в мировой добыче, и, во всяком случае, рядом с Соединёнными Штатами, а мы во всех отраслях горного промысла, кроме нефти и платины, занимаем пятое, шестое, восьмое или ещё более далёкое место среди разных маленьких государств, не имеющих и десятой доли наших запасов». Обручев выразил уверенность в том, что «Россия, одарённая природой огромными ископаемыми богатствами, будет быстро развивать своё горное дело, и в ближайшие годы спрос на образованных горных деятелей будет огромный. Пора готовиться к этому спросу, чтобы он не захватил нас врасплох и чтобы не пришлось обращаться опять за помощью к варягам. Страна наша велика и обильна, пора уметь использовать это обилие, чтобы нельзя было сказать про свободную русскую республику, что глупому сыну не в помощь богатство».

Слова профессора Обручева «упали», как говорится, на благодатную почву. Первыми студентами МГА становились чаще всего не вчерашние школьники, а люди, уже поработавшие на заводах, в шахтах, служившие в армии. Знаний многим явно недоставало, но имелось огромное желание овладеть профессиями, нужными в мирной жизни. Учились жадно, много читали. Занимались в научных кружках, выпускали собственный научный журнал «Вестник Московской горной академии», выходявший поначалу тиражом в сто экземпляров. Даже термин «цветные металлы» был придуман и введён в научно-производственный обиход учёными МГА — с 1925 года, а за рубежом до сих пор не могут найти ему адекватный перевод (*англ.*: non-ferrous metals — нежелезные металлы; *нем.*: Buntmetalle — пёстрые металлы). В двадцатые годы студентами МГА были легендарный

директор Норильского медно-никелевого комбината А. П. Завенягин и будущий писатель А. Фадеев, не говоря уже о целой плеяде советских учёных самых разных направлений, связанных с разведкой, добычей и промышленным использованием полезных ископаемых.

В 1926 году в МГА под руководством В. А. Ванюкова была создана лаборатория цветных металлов. Чуть позднее появились соответствующая кафедра и факультет. Начались исследования по извлечению из руд олова, ртути, мышьяка, по переработке вторичного сырья. Особенно важными считались работы по совершенствованию технологий получения меди и никеля. Это была, помимо всего прочего, и военно-стратегическая задача. Академия успешно готовила инженеров соответствующего профиля. А ещё через четыре года факультет — в числе других пяти факультетов — был выведен из состава МГА и преобразован в Московский институт цветных металлов и золота. Слово «золото» предложил добавить к названию нового вуза профессор А. П. Серебровский. Магическое слово! Новый институт начинал учебную и научную деятельность в ореоле особой избранности и благородства своего направления. Тем более что исследовательские тропы, по которым пробирались тогдашние искатели промышленного золота и других редких металлов, пролегали в непосредственной близости от путей, ведущих к получению и использованию радиоактивных элементов, к атомному будущему страны. Нередко эти тропы и пути причудливо переплетались.

И — что по-человечески очень важно! — продвижение по ним было связано не только с научными достижениями, общественным признанием и почётом, но и со смертельным риском! Правда, риском совершенно другого свойства, чем даже тот риск, которому подвергались, допустим, супруги Кюри, изучавшие радиоактивность. Ибо в тридцатые годы исследования, организованные в мицмиз, приобрели характер первостепенной государственной важности, и за всеми, кто ими занимался, со всею строгостью надзидало недремлющее око НКВД. Можно было бы специально подсчитать, сколько профессоров и научных сотрудников МГА, а потом и мицмиз, было репрессировано с 1929 по 1953 год. Наверняка даже есть такая статистика. Но я не стану её поднимать. Судьбы некоторых людей, увиденные вблизи, иногда убедительнее чисел представляют нам то, что происходило со многими. В 1938 году, всего за год до защиты дипломного проекта Рожкова, был арестован первый декан факультета цветных металлов МГА, один из организаторов мицмиз, заведующий кафедрой металлургии лёгких металлов, выдающийся учёный В. А. Пазухин. Он вернулся в институт только

в сорок шестом. Лишь благодаря вмешательству А. П. Завенягина удалось спасти академика Губкина! А если пристальнее посмотреть на биографические справки других учёных-металлургов — не только Московской, но и Петербургской (Ленинградской), Томской научных школ, — то связь «цветная металлургия — репрессии» становится как-то уж слишком очевидна. В исторической хронике «И встал завод над Енисеем», изданной к 55-летию ОАО «Красноярский завод цветных металлов», специально отмечено, что при создании научно-исследовательского подразделения завода, «укомплектованного крупными специалистами — химиками, физико-химиками и другими специалистами...», у государства не осталось другой возможности, кроме организации на предприятии «такой структуры, которую А. И. Солженицын назвал „шарашкой“. Ибо многие учёные, которые могли работать над проблемами аффинажа, к тому времени стали жертвами политических репрессий, связанных с культом личности Сталина, находились в заключении или под надзором НКВД. Такими учёными, многие из которых являлись крупнейшими специалистами в своих областях знаний, НКВД и укомплектовал созданное в одном из красноярских лагерей особое конструкторско-технологическое бюро для работы по проблемам Красноярского аффинажного завода, то есть „шарашку“...»².

Зачем это делалось? Для чего сталинский режим загонял гениев в «шарашки»? Трудно понять. Хотя... красноярский журналист Б. Иванов, рассказывая о судьбе И. Я. Башилова, фактически возглавившего исследования в заводской лаборатории, выдвинул по этому поводу гипотезу, которая кажется мне очень близкой к истине. «Где-то „наверху“, — пишет Иванов в книжке «Плата за платину», — одного из первооткрывателей советского радия и не считали вовсе подлинным стопроцентным врагом народа. Он просто был очень нужным „товарищу ГУЛАГУ“ в таком качестве специалистом, и по этой причине его держали там, „где надо“, вопреки его устремлениям, жизненным планам и, наконец, состоянию здоровья... В годы мрачной сталинской солнечности другие очень нужные „враги“, к примеру, будущие академики Сергей Королёв и Андрей Туполев, мастерили в гулаговских „шарашках“ советские космические системы и новинки самолётостроения. Словом, ГУЛАГ был своеобразным питомником для содержания талантов, причастным ко многим сферам человеческой деятельности, из которого в мир иной они чаще всего уходили неизвестными даже для ближайших родственников путями»³.

Всё — так. Готова согласиться. Только когда читаешь список выдающихся учёных, репрессированных, как говорится, «на почве цветной металлургии», то он кажется каким-то уж слишком длинным или... наоборот, слишком тесным. Даже по сравнению с другими наиболее пострадавшими «сферами человеческой деятельности». Кроме Башилова, на Красноярском аффинажном практически со дня его основания работали выдающиеся учёные, достигшие в своей деятельности впечатляющих результатов: профессор Сергей Матвеевич Анисимов, заведующий кафедрой Северо-Кавказского горно-металлургического института; доктор химических наук, заведующий кафедрой Ленинградского университета Рудольф Людвигович Мюллер; талантливые инженеры Всеволод Васильевич Недлер и Вячеслав Константинович Кострыкин... «Иных уж нет, а те — далече». Так что реальная стоимость сибирских драгоценных металлов, помимо валютного, имеет ещё и нравственное, духовное выражение. Она — неизмеримо высока!

II.

Летом 1934 года Павел Рожков подал документы в Московский государственный университет и в Институт цветных металлов и золота, решив для себя: куда раньше зачислят, там и буду учиться. В мицмиз по какой-то причине зачисление прошло немного раньше, чем в МГУ, таким образом — «судьбы свершился приговор». Рожков попал в такую интеллектуальную среду, где он мог достаточно близко общаться с признанными светилами мировой науки... Среди них — профессор Игорь Николаевич Плаксин. Он был всего на десять лет старше Павла, но уже возглавлял кафедру в новом институте. Эрудит, тонкий знаток музыки и литературы, он в самые тяжёлые послереволюционные годы сумел получить образование специалиста-металлурга и к середине тридцатых стал одним из ведущих учёных страны в области цветной металлургии. Названия фундаментальных работ Плаксина звучат как заглавия приключенческих романов: «Обработка золотых руд», «Металлургия золота, серебра и платины»... Павел был слушателем его факультатива. Или — академик Давид Михайлович Чижигов, ставший позднее научным руководителем дипломного проекта Рожкова. Не говоря уже о друзьях-однокашниках. О них Павел Иванович всегда помнил, их имена остались на страницах его рукописей.

Золотые годы студенчества! Рожков рассказывал, что на одиннадцать студентов в «Минцветметзолоте» в годы его учёбы приходилось семнадцать преподавателей! Что и говорить — «штучная» была подготовка. К тому же профессора стремились привить студентам вкус к высокому искусству, к настоящей музыке, к точному и яркому

2. «И встал завод над Енисеем». Красноярск, «Платина», 1998. С. 38.

3. Иванов Б. «Плата за платину». Иркутск, 2001. С. 8.

художественному слову. Стараясь не отстать от своих кумиров, ребята становились страстными театралми, вместе с преподавателями ходили во МХАТ, в Большой театр, слушали концерты в консерватории, не пропускали ни одной заметной выставки. Перед студентами и профессурой мицмиз выступали знаменитые артисты Малого театра — Кторов, Царёв, Тарасова, Ильинский, Жаров... Должно быть, именно тогда у Павла открылся тот особенный филологический слух, благодаря которому он всегда живо отзывался на игру словесных сочетаний, гармонию звуков, замечал красоту отточенных фраз, изящество неожиданных парадоксов. Всё, что поразило его воображение, он выписывал в блокнот, в записную книжку, в тетрадь. Из таких импровизированных «фолиантов» за жизнь собралась целая рукописная библиотека. Павел Иванович начал «копить» её со студенческих лет. Большая часть этих записей сохранилась, так что мы и сегодня можем судить о необыкновенном диапазоне его интересов.

Но поначалу учёба давалась Павлу очень тяжело. Главное — ему негде и не на что было жить. Днём он слушал лекции, участвовал в семинарах, стараясь не отстать от самых успешных товарищей (он ведь не привык плестись в хвосте, значит, должен был знать всё, о чём бы ни спросили!). А сразу после занятий, вместе с несколькими такими же «бойцами», отправлялся на московские вокзалы разгружать вагоны. Потом садился в электричку и — на ходу — готовился к семинарам, читал конспекты и... спал. Несколько месяцев такой жизни довели парня до того, что у него стали выпадать волосы. Я смотрю на его фотографию 1936-го: кожа да кости, выпирающие скулы придают лицу даже несколько монгольский вид, но глаза исподлобья сверкают отважно и упрямо! Как всегда.

Кто знает, чем закончились бы эти подвиги, если бы однажды профессор Чижиков на занятии не обратил внимание на полуобморочное состояние своего студента. «Рожков, что с вами?» — испугался он. Ребята рассказали преподавателю, как бедствует Рожков. Давид Михайлович взялся хлопотать, и Павлу вскоре дали место в общежитии. Кроме того, профессор устроил парня в мицмиз-овскую поликлинику — поправить здоровье. «Вот тогда я зажил... — вспоминал Павел Иванович. — Место было, кровать была. Что ещё нужно студенту?» Хотя... ощущение «гордой бедности», впервые пережитое в Канске, довольно долго не оставляло его и в Москве. Институт считался престижным, поступали в него дети видных и обеспеченных родителей, держаться с ними на равных можно было только за счёт блестящих успехов в учёбе. Но уж в чём в чём, а в этом Рожков был всегда на высоте! Талантливый, общительный, легко располагавший к себе и преподавателей, и товарищей, он со второго курса работал помощником декана

на металлургическом факультете. А после защиты дипломного проекта был приглашён к сотрудничеству в институте в качестве члена Государственной квалификационной комиссии и мог бы остаться в аспирантуре у своего научного руководителя Д. М. Чижикова. Но в то же время получил приглашение и от самого В. А. Ванюкова, заведующего кафедрой тяжёлых цветных металлов. Профессора были друзьями, каждый видел в Рожкове своего идейного наследника. А тот любил обоих и не в шутку опасался, что они из-за него поссорятся. Десятилетия спустя Павел Иванович рассказывал, что, не желая разочаровать ни того, ни другого, он вообще отказался от аспирантуры и вместе с другими выпускниками распределился в Норильск. Таких оказалось тринадцать человек.

Особенностью учебного процесса в мицмиз была теснейшая связь с производством. Студенты ежегодно проходили практику на металлургических предприятиях во всех концах страны. За годы учёбы Павел Рожков успел поработать на Карабашском медеплавильном заводе, на комбинатах «Алтайполимет» и «Североникель» (в Мончегорске), а преддипломную практику проходил в Ленинграде. Мицмиз готовил прекрасных специалистов — теоретически подкованных и не понаслышке знающих практическую сторону дела. Именно здесь в тридцать восьмом году работала Государственная экспертная комиссия, которой было поручено рассмотрение Генерального проекта Норильского горно-металлургического комбината, разработанного в Ленинградском институте «Гипроникель». Руководство института привлекло студента Рожкова к работе в секретариате этой комиссии, и он получил возможность весьма основательно изучить материалы по уникальному месторождению полиметаллических руд Енисейского Заполярья. Тогда и определилась тема его диплома: «Проект завода по переработке 500 тысяч тонн медно-никелевого концентрата норильских руд». В тридцать девятом этот проект прошёл успешную защиту, и Павел получил диплом инженера-металлурга. Диплом с отличием! Молодого специалиста с нетерпением ждал Норильск...

Со свойственной Павлу Ивановичу скрупулёзностью он ещё в институте стал изучать всевозможные вопросы, связанные с открытием и освоением Норильского месторождения. Вот фрагмент его фундаментального труда «Красноярский завод цветных металлов. Краткая история». Сведения, собранные в нём, и сегодня представляют значительный интерес — не только профессиональный, для металлургов, но и краеведческий, для всех, кто интересуется историей региона.

«В 1864 году братья Сотниковы проводили геологические изыскания на обширной территории правобережья Енисея. На западном склоне одной

из норильских гор они обнаружили выходящую на поверхность богатую медную руду. Через четыре года Сотниковы соорудили у горы Рудной небольшую шахтную печь⁴ для плавки добытой здесь же медной руды. Чтобы не терять времени, предприимчивые братья разобрали построенную ранее в Дудинке кирпичную церковь. Полученный при разборке кирпич перевезли на оленях в Норильск и употребили для кладки печи. Примитивная в технологическом отношении шахтная печь позволила выплавить 200 пудов меди, которую предприниматели сдали в казну по довольно низкой цене. Предприятие оказалось убыточным, и печь остановили. Так закончилась первая попытка промышленной переработки богатейших полиметаллических сульфидных руд⁵ Норильского месторождения. А полуразрушенная печь Сотниковых—почти сто лет спустя—стала экскурсионным объектом города Норильска.

В 1872 году район Норильского месторождения посетил крупный учёный Ф. Б. Шмидт, выполнивший задание Академии наук по доставке в Петербург мамонта, найденного в вечной мерзлоте возле озера Нельтато. Фёдор Богданович внимательно осмотрел лимонитовые жилы⁶, отобрал пробы, при анализе которых было определено содержание меди до 5%. К тому времени коренное

сульфидное медно-никелевое месторождение ещё не было обнаружено.

В 1915 году внук первого Сотникова А. А. Сотников вновь обращается к проблеме использования руд Норильского месторождения. Чтобы технически грамотно решить поставленную задачу, он поступает на горный факультет Сибирского технологического института, основанного в 1896 году в городе Томске. Собрав необходимые геологоразведочные данные по Норильскому месторождению, А. А. Сотников вместе с однокашником Н. Н. Урванцевым⁷ произвели довольно тщательное изучение открытого рудного месторождения, произвели предварительные расчёты, составили пояснительную записку. Но... разразилась Первая мировая война, а потом и Октябрьская революция. И только в 1919 году Урванцев возобновил поиски месторождения меди в районе Норильска. В 1920 году энергичные работы поисковой группы увенчались успехом—один из шурфов вскрыл тёмно-серую массивную породу. Так было обнаружено первое медно-никелевое месторождение, получившее название „Норильск-1“. В 1926 году в Норильск отправляется хорошо оснащённая экспедиция во главе с П. С. Аллилуевым. Урванцев, производя геологическую съёмку, открывает новое медно-никелевое месторождение—„Норильск-2“. В 1933 году геолог А. Е. Воронцов организовал детальное изучение обоих месторождений. Буровики, получив новое оборудование, успешно прошли более трёх тысяч погонных метров штолен и выявили колоссальное рудное тело с запасами в миллионы тонн руды.

В марте 1935 года было принято решение Политбюро ЦК КПСС о строительстве Норильского никелевого комбината. Строительство передали в ведение НКВД...

«В ведение НКВД...» Мы знаем, читатель, что стоит за этими скупыми словами. Норильский ГМК и Норильлаг (Норильский исправительно-трудовой лагерь) были единым целым. Инженер-металлург Павел Рожков, отправляясь к месту распределения, фактически поступил на службу в НКВД.

Вот и не верь в мистические предзнаменования! Уистокор Норильска—разрушенная христианская святыня. А само слово «Норильск», говорят, происходит от долганского «болото». Трудно вообразить место на Земле, которое было бы менее пригодно для обитания людей. Чтобы такое место обжить и поставить на службу государству, нужен героический труд! А проще—рабский. Советская страна за несколько десятилетий своего существования куда как преуспела в стимулировании ударного труда на самых горячих участках индустриализации и всеобщего подъёма! Эти участки как раз и совпадали с расположением исправительно-трудовых лагерей. Рекорды и прорывы

.....

4. Шахтная печь—печь с вытянутым вверх рабочим пространством, шахтой, цилиндрической, конической или прямоугольной формы. Обрабатываемый материал загружается сверху, а готовый продукт выдаётся снизу. Газообразные продукты сгорания топлива поднимаются вверх, навстречу спускающемуся материалу. Применяется главным образом для получения металлов из руд, плавки металла, обжига огнеупорного сырья.

5. Полиметаллические сульфидные руды—природные минеральные образования, состоящие из сернистых соединений металлов (сульфидов). Важный источник для получения никеля, кобальта меди, цинка, свинца, молибдена, ртути. Во многих сульфидных рудах в качестве примесей присутствуют золото, платина, серебро, кадмий, селен, теллур и другие редкие металлы. Рудные тела чаще всего представлены жилами, а также пластами, линзами, штоками и трубообразными залежами. Такие тела протягиваются в длину и на глубину на сотни метров—несколько километров. Запасы сульфидных руд в них достигают сотен миллионов и даже миллиардов тонн, а запасы металлов—десятков, сотен тысяч и даже нескольких миллионов тонн, при содержании металлов в руде от десятых долей до нескольких десятков процента.

6. Лимонит—собирательное название для природных железистых минералов. Скопления лимонита образуют месторождения бурого железняка и так называемые «болотные руды».

7. Урванцев Н. Н.—советский геолог, доктор геолого-минералогических наук, профессор, один из первооткрывателей Норильского рудного района.

обеспечивались сотнями тысяч жизней героев ГУЛАГа⁸.

Первым начальником строящегося Норильского комбината был Владимир Матвеев, в тридцать восьмом тоже репрессированный «за саботаж». Тогда-то Норильлаг и «принял» А. П. Завенягин. Об этом человеке до сих пор ходят легенды — как самого мрачного, так и самого восторженного свойства.

Сын машиниста, он уже в восемнадцать-девятнадцать лет — опытный партийный работник-большевик. Ещё в начале двадцатых в Донбассе Завенягин познакомился с одним из самых ярких большевистских деятелей Серго Орджоникидзе, который настоял на том, чтобы Авраамий, возглавлявший тогда Юзовскую партийную организацию, а заодно и местную газету, получил серьёзное инженерное образование. В результате Завенягин стал студентом Московской горной академии. Здесь он учился, совмещая академические занятия с партийной работой. Орджоникидзе внимательно следил за успехами своего «подопечного», и когда Авраамий закончил МГА, выдвинул молодого инженера на должность директора Государственного института по проектированию заводов чёрной металлургии. Это кажется фантастикой, но остаётся фактом. Завенягин позднее и сам будет доверять важные управленческие посты молодым специалистам, как случилось, например, с Павлом Рожковым, который меньше чем через год после приезда в Норильск возглавил Малый металлургический завод.

Под руководством Завенягина «Гипромез» в рекордные сроки создал проект Магнитогорского металлургического комбината. Потом работа в ВСНХ⁹, в Днепропетровске — директором металлургического завода имени Дзержинского, строительство Магнитки... Наконец, Орджоникидзе, в то время нарком тяжёлой промышленности, рекомендовал Авраамия Павловича на должность своего первого заместителя. Однако и над тем, и над другим уже сгустились тучи.

<...>

А. И. Микоян, по воспоминаниям Хрущёва¹⁰, рассказывал, будто бы Серго говорил ему незадолго до смерти: «Не могу больше, не могу мириться с тем, что творится. Бороться со Сталиным я тоже не могу и не вижу сейчас возможности продлевать свою жизнь». Серго нашли в собственной квартире мёртвым. Принято считать, что он застрелился. Официально же было объявлено, что нарком тяжёлой промышленности скончался от паралича сердца.

Что же касается его «протезе» Завенягина, то НКВД завёл на него дело ещё в Магнитогорске. Новый нарком тяжёлой промышленности Каганович своего первого зама, мягко говоря,

невзлюбил. Дело шло к аресту. Помогло вмешательство председателя Совнаркома В. М. Молотова, который лично знал Завенягина. Говорят, именно Молотов предложил отправить опального зама в Норильск — руководить строительством горно-металлургического комбината. Таким образом, Завенягин был вынужден подставить голову под тот же самый топор, который только что разбил судьбу его предшественника Матвеева. Он прекрасно знал, что ему грозит, если он окажется недостаточно расторопным.

.....

8. Норильлаг (Норильский ИТЛ) был промышленно-строительным лагерем. Он образован в 1935 году для добычи цветных металлов, в основном меди и никеля. Подневольным трудом узников Норильлага в заполярной таймырской тундре созданы город Норильск и горно-металлургический комбинат, речной и морской порты в Дудинке (в низовьях Енисея), железная дорога от Дудинки до Норильска, шахты Кайеркана и многое другое. Первый маленький этап пригнали на место будущего города летом 1935 года. Это был ленинградский этап. Из Дудинки его гнали пешком по заболоченной тундре. Начиная с 1936 года, в Норильлаг шли один за другим этапы из тюрем и из других лагерей, со всех концов СССР. В сентябре 1938 года туда отправили многотысячные этапы из Красноярской и Енисейской тюрем. Этапы шли в основном через Красноярск по железной дороге, а потом вниз по Енисею на баржах. В пути многие заключённые умирали, и их хоронили на берегу во время остановок. Были случаи, когда эти караваны терпели бедствие. В. П. Астафьев рассказывал, как в Игарке в 1939 году во время шторма разломило баржу с заключёнными, и люди стали спасаться на берег, но с берега охрана нефтебазы открыла огонь. Мы знаем также о крушении барж на Казачинском пороге, когда люди также не смогли спастись, потому что стрелки не выпустили их наружу. В июле и августе 1939 года в Норильлаг пришли этапы из «срочных» тюрем: из Орла, Ельца, Кустаяна, с Соловков. Причём соловецкий этап везли с Белого моря по Северному Ледовитому океану, через Баренцево и Карское моря. Осенью 1941 года в Норильлаг пригнали из Юхновлага (ныне Калужской области) «интернированных» офицеров литовской, латвийской и эстонской армий. Все они сидели без статей и сроков. Лишь потом, в Норильлаге, их «оформили» особым совещанием на разные сроки, от 5 до 10 лет, причём многих осудили посмертно. Новые этапы продолжали приходить в Норильлаг вплоть до 1953–1954 годов. В начале 50-х годов в Норильлаге насчитывалось около 30 лагерных отделений. Лагерь прекратил своё существование в 1956 году, когда большинство заключённых вышло на волю.
9. Высший совет народного хозяйства — высший советский хозяйственный орган со статусом наркомата с 1918 по 1922 год.
10. Насколько можно доверять воспоминаниям Хрущёва о Сталине и его соратниках — вопрос особенный и отдельный.

Завенягин приступил к исполнению должности начальника Норильскстроя двадцать восьмого апреля 1938 года.

«Он немедленно начал принимать энергичные меры, — читаем в рукописи П. И. Рожкова, — по организации строительно-монтажных, геолого-разведочных и научно-исследовательских работ широкого профиля. Перед исследователями была поставлена большая, можно сказать, главная задача — разработать новую эффективную технологию переработки сульфидных медно-никелевых руд. Но особо важной задачей считал Завенягин строительство и пуск опытного Малого металлургического завода. Четвёртого декабря 1938 года Завенягин подписал приказ: все силы — стройке ммз. На практике так и было: 25 февраля 1939 года запустили ватержетные печи и началась металлургическая плавка уникальных сульфидных медно-никелевых руд заполярного месторождения».

Психологический портрет А. П. Завенягина сегодня может быть восстановлен только по фрагментам воспоминаний и публикаций, содержащих, как уже говорилось выше, самые полярные оценки. Эти высказывания важны и для воссоздания атмосферы, которая окружала начало самостоятельной производственной деятельности Павла Рожкова, и для характеристики того влияния, которое молодой специалист испытал на себе в качестве подчинённого легендарного директора Норильскстроя. Перелистаем страницы газетных и журнальных подшивок.

«5.11.1938 г. нас, в числе 20 человек, в морозный день пешком отвели в штрафной лагерный пункт „Каларгон“, находившийся в тундре, в 18 километрах от Норильска, чтобы там расстрелять. В числе обречённых на казнь были: сопроцессник Димитрова по лейпцигскому процессу, бывший секретарь цк Болгарского комсомола и член Политбюро Болгарской компартии Благой Попов, заместитель наркома пищевой промышленности СССР Чигринцев, член коллегии Наркомфина СССР Пётр Четвериков, начальник Главного управления соляной промышленности СССР Никита Куликов, посол СССР в Румынии Островский, консул в скандинавских странах, бывший ранее секретарём губкома комсомола на Волге, Владимир Фишер, бывший первый секретарь Ереванского горкома партии Абел Ордуханян, бывший секретарь Казанского горкома партии Абдулла Юнусов,

профессор истории Сергей Дубровский, профессор права Леонид Гинзбург, профессор права Пётр Климов и др. Две недели мы ждали расправы. От нас этого особенно и не скрывали. У нас отобрали одежду, одели в тряпье. Нам предложили заказать перед смертью „пожрать и накуриться вдоволь“, послав в Норильск подводу за продуктами и табаком. У меня и Куликова личных денег нашлось только на пачку махорки и пачечку курительной бумаги... Приставленный к нам в помощь охране и лагерной администрации комендант из уголовников узнал меня. Он был в Невьянске на Урале старостой старательской артели, когда я в 1937 г. посещал невяньские золотые прииски. Комендант сказал мне на ухо: „Батя, вас привезли «на шлёпку», мне это точно известно...“ И сунул мне в карман бушлата пачку папирос. Спас нас начальник Норильского строительства и лагеря А. П. Завенягин. Он выждал две недели, а потом вразрез с „директивой центра“, под свою ответственность, приказал вернуть нас в Норильск. Эта готовившаяся бессудная расправа над нами вызвала много разговоров в лагерях»¹¹.

„Либеральный“ начальник Завенягин с контингентом не считался. Без тени сомнения бросал голодающих и измученных людей на самые тяжёлые работы. На пайку хлеба полагалась норма, которая сегодня была бы не под силу откормленному, привыкшему к тяжёлому труду рабочему. Завенягина до сих пор считают добрым начальником строительства. Нет, не добрыми чувствами, а соображениями прагматическими руководствовался Авраамий Павлович. В конце тридцатых годов в Норильск прибыл большой этап заключённых из Соловков. Среди них — специалисты в геологии, химии, минералогии — инженеры, учёные. По приказу Завенягина их снимали с общих тяжёлых работ. Давали более сытные пайки, чуть улучшали бытовые условия. Возникали так называемые „шарашки“, учреждения, где репрессированная интеллигенция (на положении рабов) занималась умственным трудом на пользу великой социалистической стройке. В норильских „шарашках“ разрабатывались инженерные и научные проекты, позволявшие создавать чудо-город и комбинат в Заполярье.

... „Форпост цивилизации“, как называют до сих пор Норильск, построенный на принципах насилия, по здравому смыслу таковым считаться не может. Цивилизацией в Норильлаге и не пахло. Этот термин никакого отношения к царству Завенягина и его сподвижников по ГУЛАГу не имеет»¹².

«Он был ещё из „орджоникидзево́й команды“, кажется, одно время был начальником Магнитстроя, в 30-е годы попал под удар, но не был арестован, а послан в Норильск начальником строящегося комбината. Известно, что это была

11. Из записей Александра Ивановича Мильчакова, бывшего Генерального секретаря цк влксм, ответственного работника цк вкп(б) и золотодобывающей промышленности СССР, затем сотрудника Норильскснаба. Журнал «Смена» №2, 1998.

12. В. Евграфов, «Цивилизация насилия».

за стройка,—руками заключённых среди тундры, на голом месте, в условиях вечной мерзлоты, пурги, большую часть года—полярной ночи. Бежать оттуда было почти невозможно—самые отчаянные уголовники иногда пытались бежать вдвоём, взяв с собой „фраера“, чтобы убить и съесть в пути (я не думаю, чтобы это было только страшными рассказами). Смертность там была лишь немногим ниже, чем на Колыме, температура в забоях лишь немногим выше, но тоже минусовая. После смерти Завенягина в 1956 году Норильскому комбинату присвоено его имя. Завенягин был жёсткий, решительный, чрезвычайно инициативный начальник; он очень прислушивался к мнению учёных, понимая их роль в предприятии, старался и сам в чём-то разбираться, даже предлагал иногда технические решения, обычно вполне разумные. Несомненно, он был человек большого ума—и вполне сталинистских убеждений. У него были большие чёрные грустные азиатские глаза (в его крови было что-то татарское). После Норильска он всегда мёрз и даже в тёплом помещении сидел, накинув на плечи шубу. В его отношении к некоторым людям (потом—ко мне) появлялась неожиданная в человеке с такой биографией мягкость. Завенягин имел чин генерал-лейтенанта ГВ, за глаза его звали „Генлен“ или „Аврамий“¹³.

Двадцать второго июля 1939 года Павел Рожков был принят на работу сменным инженером Малого металлургического завода Норильского гмк НКВД СССР.

«ММЗ был первым небольшим заводом строящегося комбината,—отмечает Павел Иванович в своих записках.—В тридцать девятом году здесь была организована переработка уникального сырья—полиметаллических сульфидных руд, содержащих, помимо меди, никеля и кобальта, значительное количество платиноидов, а также золота, серебра и других металлов. Особенно богатыми по благородным и цветным металлам оказались руды Морозовского рудника. Эти сложные по составу руды перерабатывали сначала на двух небольших ватержетных печах¹⁴, изготовленных в местном ремонтно-механическом цехе. Позднее, когда были изготовлены и смонтированы два конвертера¹⁵, удалось наладить переработку штейна¹⁶ на фанштейн, продукт обработки, ещё более богатый по меди, никелю и особенно по драгоценным металлам»¹⁷.

Сразу же после приезда группы выпускников мицмиза в Норильск Завенягин пригласил их—и молодых специалистов из других вузов—к себе в кабинет. Авраамий Павлович подробно расспросил каждого, как учился, какова тема дипломного проекта и почему приехал в Норильск.

Павел Иванович рассказывал, что кто-то из парней стал важничать, хвалиться успехами в учёбе .....

13. Из «Воспоминаний» академика А. Сахарова.
14. Ватержетная печь (*англ.* waterjacket, от water—вода и jacket—рубашка, кожух)—шахтная печь, стенки которой составлены из охлаждаемых водой пустотелых металлических коробок, так называемых кессонов. Применяется в металлургии свинца, меди, никеля и др.
15. Конвертер—металлургический агрегат для переработки медно-никелевых штейнов путём продувки исходного материала воздухом или кислородом.
16. Штейн—промежуточный продукт при получении некоторых цветных металлов из сульфидных руд и рудных концентратов. Представляет собой сплав сернистого железа с сернистым соединением извлекаемого металла.
17. Качество добываемых в России сульфидных медно-никелевых руд сравнимо с качеством аналогичных руд в зарубежных странах: среднее содержание никеля в них составляет 1,6%, в то время как в сульфидных рудах Канады—1,3%, Австралии—2,1%. Норильские руды, помимо никеля, содержат в значительных количествах медь, кобальт, золото, серебро и металлы платиновой группы. Значительная часть восточно-сибирского никеля (около 80%) добывается в богатых рудах, в которых среднее содержание металла составляет 2,6–2,9%. Отрицательными факторами развития отрасли на таймырском Севере являются тяжёлые природные условия (холодный климат, многолетняя мерзлота, полярная ночь, короткий вегетационный период) и значительная глубина залегающих рудных тел на рудниках Норильского комбината. В России добычу никелевых руд осуществляют четыре предприятия: «Норильская горно-рудная компания», «Кольская горно-металлургическая компания» (оба предприятия входят в состав РАО «Норильский никель»), «Уфалейникель» и «Южуралникель». Крупнейшим из них является РАО «Норильский никель», в состав которого входят рудники Норильского гмк и комбината «Печенганикель», разрабатывающие сульфидные медно-никелевые руды месторождений Норильского района и Кольского полуострова. На долю этих руд в последние годы приходится 92–93% общероссийской добычи никеля и кобальта. Обогащению подвергаются только сульфидные никелевые руды на обогатительных фабриках РАО «Норильский никель». Сульфидная медно-никелевая руда проходит стадию обогащения. Затем с помощью электроплавки получают переходный продукт—штейн (содержание никеля 10–15%, повышенное содержание кобальта), но перед выплавкой чернового никеля существует стадия так называемого фанштейна—медно-никелевого сплава, образующегося при продувке штейна в кислородном конвертере. Затем методом флотации, основанном на разной плотности различных металлов в водной среде, никель отделяют от меди и продолжают его восстановление в электрических печах. Рафинированный никель получают, так же как и медь, методом электролиза. При этом образуется особо чистый никель, с долей примесей не выше 0,01%.

и сожалеть, что в Норильске ему будет трудно развернуться. Завенягин посмотрел на него пристально и сказал: «Есть у меня горняк Хромченко, который в институте неважно учился, но зато отлично работает на руднике. И я бы лучше таких вот „хромченко“ брал, не стал бы смотреть, что у них в дипломах».

Тема дипломного проекта Рожкова очень заинтересовала Завенягина. В тот раз они долго беседовали. И Авраамий Павлович, как потом выяснилось, хорошо запомнил грамотного энергичного новичка.

В 1939-м Норильск был маленьким неблагоустроенным посёлком. Двухэтажные шлакоблочные и деревянные дома по единственной заводской улице. Ни тебе асфальта, ни деревьев, ни цветов. Молодых специалистов поселили по две семьи в комнатки недостроенного деревянного двухэтажного дома в так называемом «соцгороде», строительство которого тогда только началось. Из всех «удобств» — лишь электричество. Всё остальное — водопровод, канализация, отопление — в отдалённых мечтах. Павел Иванович вспоминал, что во время дождя жильцы вынуждены были подвешивать над кроватями брезентовый полог — так протекала крыша. Позднее в комнатах поставили железные печки-буржуйки с трубами, выходящими в окна. Топили их дровами и углём. Тепла они давали мало, дымили нещадно, так что можно себе представить, что это была за жизнь! Особенно зимой, в пятидесятиградусный мороз. И всё же...

«Все эти бытовые неустроенности нас мало тревожили, так как, воодушевлённые Завенягиным, мы всё своё время отдавали заводу — и рабоче, и свободное. Вместе со мной работали молодые инженеры, однокашники по институту И. И. Быховский, С. И. Лунёв, Л. Н. Сомин, А. И. Аристов, Ф. А. Лебедев, Г. В. Ильичёв... Нам, вчерашним выпускникам института, удалось без посторонней помощи отработать устойчивую технологию плавки богатых сульфидных руд Морозовского рудника, а несколько позднее, в смену инженера Быховского, была получена на конвертере первая кондиционная партия фэйнштейна. Успешно были закончены опытные работы инженера Лунёва по агломерации мелкодроблёной руды и оборотной пыли на упрощённом агломерационном оборудовании»¹⁸.

В общем, ребята из московского института так решительно подтолкнули развитие новорождённого норильского производства, что руководство не замедлило сделать кардинальные выводы. В мае сорокового года Завенягин вызвал Рожкова к себе и в присутствии своих заместителей предложил

молодому инженеру должность начальника ммз. Рожков смутился: «Авраамий Павлович! Я ещё к этому далеко не готов!» Тогда Завенягин рассказал, как когда-то его самого, начинающего инженера, Орджоникидзе назначил начальником строительства Магнитки. Времени для того, чтобы постепенно набираться опыта, просто нет! После этого Рожкову ничего не оставалось, как начать работу на новом посту. Приказ о назначении был подписан двадцать второго июня 1940 года. А уже в июле — впервые за всё время своего существования — ммз выполнил месячный государственный план.

Павел Иванович часто вспоминал одну удивительную встречу с Завенягиным. Это произошло примерно через месяц после приёма молодых специалистов в кабинете начальника комбината. Рано утром Павел шёл со смены и вдруг видит — навстречу ему по дороге идёт Завенягин. Павел сразу узнал его — по добротному пальто и дорогой меховой шапке. Авраамий Павлович тоже узнал встречного, хотя прежде видел его только раз, поздоровался с ним, назвав по фамилии, поинтересовался, откуда он идёт и где живёт. А потом неожиданно сказал, что хочет посмотреть, как Рожков устроился. Осмотрев комнату, которую Павел делил с другим служащим, Авраамий Павлович вздохнул: «Плохо, плохо вы устроены, но потерпите, скоро улучшим». И слово сдержал! Вскоре Павел получил отдельную комнату в деревянном доме недалеко от ммз.

Завенягин, как большинство тогдашних руководителей высшего эшелона власти, вынужденных приспособливаться к привычкам Сталина, работал по ночам. К тому же в Норильске приличный временной разрыв с Москвой, и Авраамий Павлович установил себе такой рабочий график, который позволял быть постоянно на связи с московским руководством. Бывало, он звонил «новоиспечённому» начальнику ммз часа в два ночи: «Ну... как день прошёл?» А через полгода на митинге заявил: «Мы назначили молодого инженера начальником завода. Он поставил дело. План стал выполнять. Поэтому принято решение выдать Рожкову премию в размере восьмисот рублей». Запись об этой премии сохранилась в трудовой книжке Павла Ивановича.

Здесь, в Норильске, Рожкову довелось встретиться с бывшими преподавателями Томского университета, которые были арестованы в начале тридцатых и влились в «трудовую армию» Норильлага. До последних лет Павел Иванович вспоминал острое чувство стыда и боли, которое он переживал тогда, глядя в глаза своим учителям. «Как могли мы, молодые специалисты, чего-то требовать от них, измождённых и униженных... от них, которые всегда нас учили не только своим научным дисциплинам, но и чести, порядочности?!» Наверное, это было одно из самых тяжёлых

18. Из записок П. И. Рожкова.

испытаний, которые Рожкову пришлось пройти, хотя позднее судьба не раз пробовала его на прочность — гнула и ломала, не щадя!

Как совмещались мучительные переживания стыда и вины со стандартными славословиями в адрес партии, правительства и советского строя, которыми начинаются и заканчиваются заметки Рожкова в тогдашней норильской многотиражке (если только эти общие фразы не вставлены осторожным редактором — как положено! — в бесхитростный рассказ молодого инженера)? Да так и совмещались, как совмещаются во все времена глубокая внутренняя жизнь человека, его душа, подготовленная только Богу (уж кто в каком верит! ведь даже если кто-то не верит ни в какого Бога, то всё равно же во что-то да верит!), и её внешняя сторона — дежурная, вынужденная, необходимая для элементарного выживания. И Рожков, и его товарищи, и Завенягин, конечно, понимали, что в стране творится что-то неладное, но откуда исходит «порча», знали, догадывались немногие. Даже из тех, кто сам пострадал. Во всяком случае, на идею, которую во плоти представлял высший партийный эшелон, подозрения в неверности падали в последнюю очередь. «Мы так вам верили, товарищ Сталин...»

Счастье, если догматическая воля не насилует главное, душу. Павел Рожков к началу войны уже доказал не раз, что душу он не сдаст. Но ведь для него тогда истиной были не только несправедливость, ужас и нелепость совершающегося варварства, но и товарищество, героизм, самоотверженность, доброта и щедрость в условиях, казалось бы, абсолютно их исключаящих. Норильск был местом трудового подвига сотен людей, с которыми он ежедневно работал плечом к плечу. Северная стройка стала одной из вершин его личной истории. Ещё в тридцать девятом году, в институте, он подал заявление о вступлении в КПСС и был принят кандидатом. В сорок первом — получил партбилет, документ, по своей значимости для коммуниста не сопоставимый ни с каким другим удостоверением личности.

В начале 1941 года Завенягин был назначен заместителем наркома внутренних дел (как говорили, стал правой рукой всесильного Лаврентия Бери). Авраамий Павлович уехал в Москву. Его место занял В. С. Зверев, с которым у Рожкова как-то сразу не заладилась. Молодого начальника ММЗ без всяких видимых причин переводят с должности на должность, снижают зарплату. И когда, наконец, Зверев предложил ему — перспективному и уже достаточно опытному инженеру-металлургу — место главного диспетчера комбината, Рожков почувствовал: в Норильске ему не работать! «*Мы с ним расстались, потому что не нашли общего языка*, — уже в середине девяностых рассказывал Павел Иванович. — *Он от меня требовал одно,*

а я ему говорил, что Завенягин не так делал. Он, правда, Завенягина любил и уважал, Завенягин его поддерживал. Но... мы разошлись, я уехал на фронт, он остался на комбинате. Потом мы встречались — по-разному. Иногда — хорошо, иногда — плохо. Я после войны работал на Красноярском аффинажном заводе, и наши интересы, бывало, сталкивались».

Но вот уже июнь сорок первого. С первых дней войны Павел Рожков думает об отъезде на фронт. Его, понятно, не отпускают. В Норильск тогда возвращали даже и мобилизованных по недомотру инженеров. Но ситуация всё отчётливее складывается так, что увольнение становится для Рожкова делом принципа! А значит, свернуть его с намеченного пути не смогли бы уже никакие человеческие силы! С детства очень мягкий и впечатлительный, он в такие моменты становился твёрже камня. В конце августа Рожков уволился с комбината с формулировкой в трудовой книжке «по состоянию здоровья», чтобы тут же уехать в Красноярск и явиться в военкомат. Впереди был фронт: грохот и дым военного горизонта...

Из личного архива П. И. Рожкова¹⁹

...Каганович был тогда заметной фигурой! А Завенягин тоже всегда был политической фигурой, ещё с тех лет, когда он работал в Юзовке, на Украине, тогда уже выступал против Троцкого. Фактически пребывание Завенягина в Норильске было не очень хорошо завуалированной ссылкой, финал которой был заранее предначертан. «Наверху» считали, что он оттуда не вернётся. Он вызывал опасение всем: умом, энергией, своим отношением к людям. Он был мыслящий человек, государственный человек. Его просто насильственно убрали из руководящей группы, которая должна была заниматься всей страной. Он, отправившись в Норильск, занимался Норильском и в то же время не выпускал из виду всю страну... Его и здесь не оставляли в покое. Однажды приехала из Москвы комиссия с явным намерением обвинить Завенягина, обличить в неправильных приёмах развития комбината. Но у обвинителей ничего не получилось. На большом многоязычном собрании — я присутствовал, я был кандидат в члены партии, а собрание было партийное, и я принимал участие, — когда все эти члены комиссии высказались, поднялся Завенягин и без всяких бумажек так раскритиковал, так «разложил» все их доводы, все аргументы, что аудитория заплодировала.

...Авраамий Павлович Завенягин был, несомненно, выдающийся деятель и Коммунистической .....

19. Сердечная благодарность Н. П. Рожковой, вдове героя книги, за возможность работать с личным архивом П. И. Рожкова.

партии, и промышленности. Он был, как он сам всегда утверждал, учеником Серго Орджоникидзе. Впоследствии, когда я уже работал начальником Малого металлургического завода и бывал у него на совещаниях,— ручаюсь, не было такого дня, чтобы он не упоминал имя Орджоникидзе. Это обычно получалось так: «А Серго по этому поводу сказал бы...»—или: «А Серго принял бы такое решение...» Так что у него Орджоникидзе был не только «в уме», но и в душе. В отличие от нынешних руководителей, Завенягин по Норильску ходил один. Причём—в неурочное время. Был он начальник совершенно особенный. Во-первых, очень доступный. Он с любым человеком разговаривал. Во-вторых, он сразу делал заявление, что он более всего склонен работать с молодыми специалистами, чтобы не связывать себя неблагоприятными для Норильска традициями. Ведь здесь очень своеобразные условия. Он сам был ещё молод и нередко продвигал молодёжь на очень ответственные посты. Завенягин рассказывал, что, когда его назначили директором Магнитогорского комбината, для него это было совершенно неожиданно. Ему было очень трудно это принять. Но Серго сказал, что он сам тоже так принимал дела, поэтому нечего смущаться: здесь мы должны уже думать о стране.

Завенягин вообще любил «полевые» работы: на стройках, в цехах, на площадке, которая только что открывается, на складах металла—в Норильск тогда прибыло много всякого рода материалов,—и, конечно он обойдёт площадку лично, сам всё проверит, и если найдёт беспорядок, тут же на месте принимал решение... и, как правило, не наказывал, а предупреждал. Это, конечно, был человек необыкновенных способностей. Поразительно было то, как он умел доходить до каждого, выказывая каждому глубокое уважение. Это уважение к людям меня настолько покорило, что Завенягин всегда в моей душе. Когда я демобилизовался и приехал с фронта в Москву, то в первый же день там встретил Завенягина—в здании НКВД, у лифта. Я ещё был в военной форме, подошёл к лифту—и вижу: стоит Завенягин. Я сразу узнал его! Почему он обернулся, не знаю. Но он обернулся—и мы оказались лицом к лицу. И, как когда-то на Севере, когда он шёл по территории комбината, а я возвращался домой со смены, Авраамий Павлович говорит: «Здравствуйте, Рожков!» И потом сразу: «Как вы возмужали!» Необыкновенно умный, необыкновенно внимательный, настоящий гуманист! Может быть, он даже более гуманист, чем писатели, художники и люди гуманитарных наук. Он, конечно, техник необыкновенной силы. Он хорошо разбирался в строительном деле, в горном

деле. Все проекты он рассматривал. Какие бы организации ни привозили проект в Норильск, он лично в их обсуждении участвовал. И привлекал всегда нас. Он ничего не забывал. У него память была совершенно поразительная. Норильчане рассказывали, что спустя годы, когда кто-то из них переезжал в Москву или в Ленинград и плохо складывалась жизнь, все шли к нему, и он находил время встретиться, назначал время, заказывал пропуск человеку—и в здании НКВД принимал просителя. И помогал. Я многих таких знал, кому он точно помог. Завенягин вошёл в мою жизнь очень прочно, и когда я узнал о его смерти, для меня это было большое горе²⁰.

...О возможности возникновения войны с Германией мне приходилось неоднократно слышать от Авраамия Павловича Завенягина. Будучи начальником Малого металлургического завода, я неоднократно бывал в его кабинете на всевозможных совещаниях. Иногда по окончании официального разговора Авраамий Павлович приглашал меня и ещё кого-нибудь из присутствующих задержаться. Развернув на приставном столе большую политическую карту мира, он читал сводки ТАСС, которые регулярно получал из Москвы. На карте Завенягин отмечал все военные операции, происходящие в Европе. И тут же глубоко и тонко комментировал общую ситуацию, делал весьма обоснованные выводы и прогнозы. Он был убеждён и нас убеждал, что Германия—агрессор и что война неизбежна. Гитлер усиливает милитаризацию Германии, переходит к открытой агрессии против стран Европы. Всё говорит о том, что он готовит молниеносный удар по Советскому Союзу. Для обороны страны, для ведения неизбежной войны стране необходимы медь, никель, драгоценные металлы. Поэтому надо всеми силами форсировать строительство металлургических, горно-обогатительных объектов и других предприятий комбината. Завенягин был эрудит. Он увлекался политикой с юношеских лет и был коммунистом в лучшем смысле этого слова. Многогранность его знаний и круг интересов меня всегда поражали и восхищали... Обладая великолепной памятью, быстро схватывая сведения о событиях, происходящих в мире, Завенягин умел анализировать разнообразные явления науки, техники, политики и делал это очень интересно. Как руководитель комбината он постоянно соотносил свою деятельность с жизнью всей страны.

...Малый металлургический завод являлся смелым творением начальника комбината. Металлург-доменщик обязал проектировщиков, возглавляемых молодым инженером А. Е. Шаройко, запроектировать металлургические печи—ватер-жакеты для плавки медно-никелевой сульфидной руды с площадью сечения на уровне форм в один

20. Фрагмент интервью П. И. Рожкова пресс-центру «Норильский никель», 1995 г. Расшифровка видеоролика.

квадратный метр. Проектировщики разработали также небольшой конвертер и воздухоудувку. Два ватержакета, один конвертер и два вентилятора-воздухоудувки ускоренно изготовили на местном ремонтно-механическом заводе. В Норильске всё оборудование было упрощённое, можно сказать, самодельное. Монтаж оборудования, его футеровку выполнили быстро, под строгим контролем самого Завенягина. Кокс получали кучным способом из угля горы Шмидтиха. Флюсы — известняк, кварц — добывали на карьерах Кайеркана. Вначале плавка богатой норильской руды была поставлена неудовлетворительно. Продукты плавки выпускались из печи в небольшие ковши-тележки. Разделения их в жидком виде практически не получалось. Шлак и штейн плохо разделялись и после охлаждения превращались в крепкий конгломерат. Их разделяли вручную, кувалдой. Все работы на ммз осуществлялись заключёнными...²¹

...На ммз мои товарищи получили работу в плавильном цехе, мне же предстояло работать в строящемся обжиговом цехе. В моём подчинении оказался всего один человек. Это был заключённый Иван Григорьевич Сибилев, которому было в то время более шестидесяти лет. Моя работа состояла в оформлении заказов на изготовление оборудования, предусмотренного в проекте. Иван Григорьевич, бывший профессор одного из вузов Москвы, много лет заведовал кафедрой. В свободное время он иногда рассказывал о своей работе в институте и о том, как внезапно, без причин, был арестован, судим и отправлен под конвоем в Норильск. По прибытии в Норильский лагерь Сибилев некоторое время был использован на разных подсобных работах, как человек неквалифицированный да к тому же ещё и почтенного возраста. Это было печальное, трудное время. Но однажды лагерное начальство обратило внимание на «безработного» профессора и устроило его на гидрометаллургический пост, оборудованный на берегу речки Норилки в местечке Валек. Там Иван Григорьевич подружился с диким гусем, который отстал от своей стаи. Гусь был ранен, и Сибилев приютил птицу у себя в избушке. Так они вдвоём и зиму пережили — старый зэк и раненая птица. Ходили вместе на рыбалку, «разговаривали», поддерживали друг друга в трудный час... Когда началась весна и стали прилетать дикие гуси, приятель Сибилева заволновался. «Ну что? Твои сородичи прилетели. Ты меня бросишь?» — говорил Иван Григорьевич, глядя, как беспокоится в речке гусь. Птица то подплывала к берегу, то принималась догонять удаляющихся собратьев. Наконец гусь вышел на берег, вытянул шею, словно прощаясь с другом... «Что ж... будем прощаться, дружок, — вздохнул Сибилев. — Ступай! Тебе

со своими будет лучше!» Гусь в конце концов уплыл и не вернулся...²²

Стахановцы-металлурги выполняют самообязательства

Участвуя в соцсоревновании имени Третьей Сталинской пятилетки, рабочие-стахановцы, ударники и инженерно-технические работники мало-металлургического завода с каждым днём повышают темпы в борьбе за высокие показатели производительности труда, добиваясь хорошей выработки продукции. Смена инженера т. Рожкова 3 сентября на ватержакете №1 дала проплав шихты 17,9 тонны против планового проплава 12,7 тонны, что составляет выполнение программы за смену 140,9%. На втором ватержакете было проплавлено 18,5 тонны. В этот день смена т. Рожкова по двум ватержакетам выполнила план на 143,3%... Смены тт. Лунёва, Рожкова, Ильичёва и Резницкого соревнуются между собой за лучшие показатели в работе...²³

Получил высшее образование

Мне 29 лет. В 1939 году я закончил Московский институт цветных металлов и золота и получил звание инженера-металлурга. Получить высшее образование я мог только при советской власти. При старом же строе, при царе, высшего образования мне бы не видать никогда. Мой отец — бедный сибирский крестьянин, который, кстати сказать, даже не мог пользоваться землёй, так как мой дед был политическим ссыльным. Отец мой и мать моя, которые большую часть своей жизни прожили, когда у власти стояли капиталисты и помещики, образования не получили никакого, с большим-большим трудом окончили они 3 класса сельской школы. Советская власть дала мне возможность закончить институт без всяких забот. Пять лет получал я стипендию, бесплатно обучался, пользовался сокровищами науки — лучшими книгами. Получив право на образование, я всё время старался как можно лучше оправдать его. Я, будучи студентом, стремился получить как можно больше знаний, помимо аккуратного посещения академических занятий, работал в техническом кружке, активно участвовал в общественной жизни. Моя упорная учёба не пропала даром. Дипломный проект я защитил на «отлично». Сегодня, в историческую годовщину принятия Сталинской Конституции, я хочу сказать ещё и об остальных членах своей семьи, которые, как и все граждане СССР, имеют право на образование и пользуются этим правом. Моя двадцатилетняя сестра Анна .....

21. Фрагменты записок П.П. Рожковой.

22. Фрагмент восстановлен по рассказу Н. П. Рожковой.

23. Н. Дубцова (вырезка из газеты «За металл» Норильского комбината, октябрь 1939 г.)

сейчас учится в государственном медицинском институте в Иркутске, другая сестра, Нина, учится в Сибирском лесотехническом институте. Есть ещё у меня три сестры, но они ещё небольшие и учатся в школе. Я думаю, что они, как и я, с помощью советской власти получают также высшее образование. Сейчас я работаю на Малом металлургическом заводе. Я отдаю всю свою силу и энергию, чтобы отблагодарить партию, правительство, товарища Сталина за то, что они открыли мне широкую дорогу в счастливой жизни нашей страны²⁴.

Инженеры нашего завода

Были люди, которые убеждали, что с существующими механизмами, на таких металлургических агрегатах работать нельзя, что у Малого металлургического завода нет будущего и что его надо закрыть. Но другого мнения были молодые инженеры-металлурги. Иначе думал инженер-механик Сергей Иванович Мудров, пришедший на завод в марте 1940 года. Разболтанное и расхлябанное хозяйство завода не испугало молодого механика. Многие дефекты, допущенные конструкторами, проектировщиками и монтажниками в оборудовании ммз, были устранены Сергеем Ивановичем. Чтобы облегчить труд технологов, Сергей Иванович упростил конструкцию конвертера. Изменив фурменный пояс, увеличив диаметр фурм²⁵, он достиг увеличения подачи воздуха в конвертер.

С приходом тов. Мудрова на заводе организовался хороший коллектив слесарей, токарей, электриков, крановщиков. Теперь ммз имеет оснащённый машинный зал, хорошую механическую мастерскую. Страстный производственник, Сергей Иванович в то же время является хорошим и чутким товарищем. Большую работу проводит по линии поселкового совета, являясь его депутатом. Кандидат в члены вкп(б), тов. Мудров не забывает о своём политическом росте. Много времени уделяет он работе над собой, изучению истории нашей большевистской партии. В большой дружбе с Сергеем Мудровым инженер-металлург т. Ильичёв, ныне работающий заместителем начальника опытно-металлургического цеха. Много юношеской энергии, жизнерадостности принёс с собой т. Ильичёв на завод, будучи начальником смены. Не считаясь со временем, он кропотливо занимается теперь научно-исследовательской работой. И не только ими — Мудровым и Ильичёвым — может гордиться семья инженеров-металлургов. Не менее известны норильчанам имена Василия Николаевича Потапенко, выдвинутого теперь на ответственную работу в отдел технического контроля, деловитого мастера смены товарища Сердакова²⁶, начальника лучшей смены завода товарища Сомина. Только в советской стране, где навсегда уничтожена эксплуатация человека человеком, где труд является делом чести, доблести и геройства, возможен такой расцвет личности²⁷.

.....
24. Павел Рожков (вырезка из газеты «За металл», 5.12.1940 г.).

25. Фурма — устройство для подвода дутья в металлургические печи и агрегаты; наконечник, которым заканчивается подводящий дутьё трубопровод.

26. Сердаков — в те годы отбывал наказание в Норильске, позднее — Герой Социалистического Труда.

27. П. Рожков (вырезка из газеты «За металл», 1940 г.).